

DOI: 10.31696/S086919080034480-5

САУДОВСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ КИТАЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

© 2025

А.А. МИКАЕЛЯН ^а^а – МГИМО (У) МИД России

ORCID: 0000-0002-9922-245X; mikaelyan.a@inno.mgimo.ru

Резюме: Настоящая статья посвящена анализу развития саудовско-китайских отношений, вышедших с 2016 г. на уровень «всеобъемлющего стратегического сотрудничества». Исследование разделено на три блока, рассматривающих сотрудничество двух стран в разные хронологические периоды. В первой части анализируются саудовско-китайские отношения в период Холодной войны (1949–1990), когда между странами отсутствовали дипломатические отношения. Первоначальная обоюдосторонняя негативная оценка стран стала изменяться с 1970-х гг. после сближения Вашингтона и Пекина, при этом поворотным моментом стала покупка Саудовской Аравией в конце 1980-х гг. баллистических ракет средней дальности китайского производства. Данный шаг заложил основу как саудовской политики маневрирования, так и саудовско-китайским отношениям. Вторая часть рассматривает двусторонние контакты в период (1990–2013) до начала реализации инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП). В данный период КСА становится одним из крупнейших поставщиков нефти для нужд КНР. Появляется тренд на стабильное и последовательное развитие торгово-экономического сотрудничества, при этом разногласия по внешнеполитическим вопросам не оказывают влияния на саудовско-китайские отношения. Третья часть посвящена анализу двусторонних отношений после начала реализации ОПОП (2013– н.в.). Указанный выше тренд развития получил новый импульс, более того, Эр-Рияд связывает выполнение своей программы реформ «Видение 2030» с ОПОП. Интенсифицируется сотрудничество в сфере высоких технологий, при этом КСА особо заинтересовано в получении китайских телекоммуникационных технологий (5G) и разработок в области искусственного интеллекта. В статье сделан вывод, что, несмотря на рост противоречий между КНР и США, КСА, руководствуясь своими национальными интересами, продолжит взаимовыгодное сотрудничество с КНР, равно как и с любыми другими великими державами, оставляя себе тем самым пространство для маневрирования и балансирования во внешнеполитических и экономических вопросах, продолжая тем самым политический курс, заложенный ещё в конце 1980-х гг.

Ключевые слова: Ближний Восток, Саудовская Аравия, Китай, США, международные отношения, внешняя политика

Для цитирования: Микаелян А.А. Саудовское направление китайской внешней политики: история и современность. *Восток (Oriens)*. 2025. № 5. С. 93–104. DOI: 10.31696/S086919080034480-5

CHINA'S SAUDI POLICY: HISTORY AND THE PRESENT

© 2025

Arman A. MIKAELIAN^a^a – MGIMO University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-9922-245X; mikaelyan.a@inno.mgimo.ru

Abstract: *The article analyzes the history of Saudi-Chinese relations that in 2016 reached the level of “comprehensive strategic cooperation”. The study is divided into three parts that examine bilateral ties over different periods of time. The first part explores the Cold War era (1949–1990) when countries did not have diplomatic relations. Initially both states had viewed each other negatively yet the shift appeared in the 1970s, with Riyadh’s decision to purchase Chinese-made ballistic missile in the late 1980s being the turning point in Sino-Saudi ties. It laid foundation for bilateral ties as well as a start of balanced policy. The second part is devoted to analyzing Saudi-Chinese cooperation prior to the “Belt and Road Initiative” (BRI) (1990–2013). This period saw KSA become one of China’s major oil suppliers as well as the emergence of trend towards consistent and continuous development of trade-economic cooperation between the two states. Differences in the issues of foreign policy did not affect economic cooperation. The last part looks into bilateral ties after Beijing’s implementation of BRI (2013–present day). The above-mentioned trend gains a new impetus. Furthermore, KSA ties realization of “Vision 2030” reforms with BRI. The two nations cooperate in the sphere of high-tech with Riyadh interested in China’s telecommunications and 5G as well as in the field of artificial intelligence. The article concludes that despite the increasing Sino-American rivalry, Saudi Arabia, in accordance with its national interests, will carry on mutually beneficial cooperation with China as well as with any other great power, thus leaving for itself room to balance in its foreign policy.*

Keywords: Middle East, Saudi Arabia, China, USA, India, international relations, foreign policy

For citation: Mikaelian A.A. China’s Saudi policy: history and present. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 5. Pp. 93–104. DOI: 10.31696/S086919080034480-5

ВВЕДЕНИЕ

Одной из особенностей международных отношений (МО) в пост-биполярный период стал факт экономического и, впоследствии, политического подъема стран Востока. Начавшийся еще в 1990-х гг. тренд на ориентализацию МО продолжается до сих пор и становится неотъемлемой частью новой формирующейся многополярной системы МО. Так, в качестве примера данного тренда уместно рассмотреть развитие саудовско-китайских отношений, которые с 2016 г. вышли на уровень «всеобъемлющего стратегического сотрудничества». В торгово-экономической плоскости КСА, установившая дипломатические отношения с Китаем только в 1990 г., является самым крупным торговым партнером Китая в Ближневосточном регионе, при этом двусторонняя торговля достигла в 2024 г. отметки в 99,7 млрд долл. США [Al-Mizan, 2025].

В этой связи предметом исследования в настоящей статье будет анализ развития саудовско-китайских отношений. Для достижения данной задачи, в статье будут реализованы следующие цели: 1) рассмотреть историю отношений между КНР и КСА в период до установления официальных контактов; 2) проанализировать современное состояние

саудовско-китайских отношений; 3) оценить влияние глобальных факторов на двусторонние контакты между странами; 4) попытаться дать оценку, каким образом отношения между КНР и КСА будут развиваться в перспективе.

Автор считает, что тема развития сотрудничества между Саудовской Аравией, крупной и богатой ресурсами монархией Аравийского полуострова, и Китаем, страной с большой экономикой, имплементирующей глобальные проекты, является актуальной и представляет интерес.

КОНТАКТЫ МЕЖДУ КНР И КСА В ПЕРИОД ДО УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Как уже было отмечено выше, Пекин и Эр-Рияд установили официальные дипломатические отношения в 1990 г. [Пахомова, 2012, с. 202] Нормализации отношений предшествовал период неофициальных контактов между двумя странами, вызванный в первую очередь логикой конкуренции сверхдержав в рамках биполярной модели МО. В частности, Эр-Рияд с самого начала периода Холодной войны вел внешнюю политику в фарватере Вашингтона, что вплоть до сближения США и КНР в начале 1970-х гг. исключало возможность официальных отношений с Пекином. Вместо этого КСА имело дипломатические отношения с Тайванем (Республикой Китай), основу которым положило подписанное в 1946 г. соглашение о дружбе между КСА и партией «Гоминьдан». Интересы Тайваня (пров. КНР) в КСА представляло консульство страны в г. Джидда, уровень которого в 1957 г. был повышен до посольства [Cheung, 2021]. Установив дипломатические отношения с Тайванем, Эр-Рияд сделал свой выбор в так называемом вопросе «двух Китаев», который соответствовал фокусу внешней политики США на китайском направлении до 1970-х гг.

Тем не менее это не означало, что КНР не имела каких-либо контактов с КСА. Так, в 1955 г. на полях Бандунгской конференции премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай встретился с Фейсалом аль Саудом, главой МИД и наследным принцем Саудовской Аравии. В ходе переговоров китайская сторона обратила особое внимание на организацию официального посещения гражданами КНР КСА для совершения хаджа. Переговоры можно считать успешными, поскольку после 1955 г. и вплоть до середины 1960-х гг. ежегодно из КНР в Саудовскую Аравию отправлялась группа китайских граждан для совершения паломничества к священным местам Ислама [Niu, 2018, p. 103]. Отметим, что уже тогда руководство КНР рассматривало Ближний Восток как стратегически важный и богатый ресурсами регион, связывающий друг с другом Азию, Африку и Европу [Wang, 1993, p. 65–69]. Руководство КСА, занимающее в биполярной системе МО проамериканскую позицию, негативно относилось к идее коммунизма и соответственно к вопросу контактов с коммунистическими странами. В Пекине же видели в монархиях Персидского залива инструменты американского империализма, характеризуя КСА как «реакционное, теократическое и феодальное королевство» [Fulton, 2020(1), p. 367]. Улучшению саудовско-китайских отношений также помешала деятельность Пекина в регионе в 1960-х гг., в частности, КНР с 1968 по 1972 г. оказывал военную поддержку антимонархическим силам во время войны в Дофаре в Омане [Behbehani, 1981, p. 164]. Неудивительно, что на этом фоне КСА была единственной арабской страной в 1971 г. поддержавшей Тайвань и проголосовавшей против принятия КНР в ООН [Al-Tamimi, 2022, p. 138].

Однако ближе к концу 1960-х гг., на фоне роста противоречий с СССР, Пекин стал более позитивно относиться к роли США и американской политике сдерживания СССР на Ближнем Востоке [Shichor, 2006, p. 666]. В свою очередь, сближение КНР и США в 1970-х гг., а впоследствии установление дипломатических отношений в 1979 г., спо-

способствовали развитию контактов Пекина с Арабским миром. Так, в КНР положительно отзывались о КСА в контексте действий Эр-Рияда против СССР в Афганистане в 1980-х гг., при этом схожесть позиций стран относительно ввода советских войск в Афганистан привела к созданию так называемого «тройственного альянса» США, КНР и КСА против СССР [Wang, 1993, p. 66; Al-Tamimi, 2022, p. 139].

О сближении стран можно было судить по растущему числу контактов на официальном уровне. В 1981 г. Наследный принц Саудовской Аравии Фахд встретился с премьером Госсовета Чжао Цзяном на конференции Север-Юг в Мексике [Wang, 1993, p. 69]. Спустя год глава МИД королевства принц Сауд бин Файсал стал первым государственным деятелем КСА, официально посетившим КНР [Пахомова, 2012, с. 202]. Тем не менее позиция и риторика КСА не изменились, в частности король Фахд в 1982 г. на встрече с представителями Тайваня говорил о нерушимости дружбы двух стран. Несмотря на такую оценку, постпред КНР при ООН заявил в 1984 г., что Пекин готов выстраивать дипломатические отношения со всеми государствами мира, включая Саудовскую Аравию, на основе принципов сосуществования [Wang, 1993, p. 69–70].

Важной точкой соприкосновения, создавшей фундамент для саудовско-китайских отношений, можно считать желание Эр-Рияда, на фоне продолжающейся в 1980-х гг. ирано-иракской войны, закупить баллистические ракеты средней дальности. Первоначально, КСА обратилось к США с просьбой дать разрешение на поставку баллистических ракет средней дальности (БРСД) MGM-31 Pershing [Fulton, 2020(1), p. 368].

Получив отказ от США, посол КСА в США принц Бандар ибн Султан Аль Сауд в 1985 г. на встрече со своим китайским коллегой заявил, что Эр-Рияд заинтересован в покупке БРСД китайского производства. При этом саудовский дипломат выступил с идеей лично посетить КНР для обсуждения данного вопроса. Китайская сторона дала положительный ответ, и посол КСА в США прибыл в июле 1985 г. в Пекин для организации переговоров с премьером Госсовета Чжао Цзяном. На переговорах китайская сторона потребовала пересмотра саудовско-тайванских отношений, с которым не согласилась саудовская делегация. Тем не менее стороны достигли взаимопонимания о поставках БРСД DF-3. Детали соглашения далее обсуждались на уровне военных между главой ВВС КСА генералом Халедом бин Султаном и заместителем генштаба НОАК Цао Ганчуанем на переговорах, организованных на территории Саудовской Аравии [Ottaway, 2008, p. 67–77]. Сумма соглашения составила 3,5 млрд долл. [Fulton, 2020(1), p. 368].

В октябре 1988 г. король Фахд направил принца Бандара Аль Сауда с визитом в Пекин. На встрече с саудовским дипломатом, премьер Госсовета Чжао Цзян заявил, что между двумя странами отсутствует конфликт интересов, наоборот, взгляды КНР и КСА сходятся по ряду международных вопросов, подчеркнув, что Пекин хочет укреплять партнерство с КСА на основе пяти принципов мирного сосуществования. Саудовский дипломат отметил, что в Эр-Рияде восхищаются внешней политикой Пекина и выступают за укрепление двустороннего сотрудничества [Wang, 1993, p. 71–72]. Отметим, что спустя месяц после данной встречи в ноябре 1988 г. КСА и КНР приняли решение открыть в Пекине и Эр-Рияда торговые представительства для обеспечения постоянных контактов между двумя странами в условиях отсутствия дипотношений [Пахомова, 2012, с. 202].

К концу 1980-х гг. всё более ясной становилась перспектива скорого установления дипломатических отношений между КСА и КНР. Более того, к 1989 г. Саудовская Аравия была единственной монархией Персидского залива, которая не имела официальных отношений с Пекином. Для сравнения, ОАЭ установили дипотношения с КНР в 1984 г., Катар – в 1988 г. [Shichor, 2006, p. 668]. Период с 1989 по 1990 г. отметился дипломатической активностью КНР в отношении КСА, так, в декабре 1989 г. во время визита в Египет председатель

КНР Ян Шанкунь встретился со спецпредставителем КСА для обсуждения перспектив нормализации отношений. В 1990 г. во время визита в Пекин президент Египта Х. Мубарак выполнил роль посредника между двумя странами. В целом между странами было достигнуто принципиальное решение об установлении дипломатических отношений. Однако данный шаг требовал принятия условий Пекина, а именно пересмотра позиции Эр-Рияда относительно так называемого вопроса «двух Китаев» и разрыв дипотношений с Тайбэем. С этой целью король Саудовской Аравии направил принца Бандара в Тайвань для того, чтобы тот лично сообщил властям острова о решении разорвать дипломатические отношения [Wang, 1993, p. 74]. Таким образом, в июле 1990 г. КНР и Саудовская Аравия заявили об установлении дипломатических отношений.

РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД ДО ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

С выходом контактов между двумя странами на официальный уровень активно стало развиваться сотрудничество в сфере энергетики. Речь идет о поставках нефти из КСА, что, особо важно, учитывая тот факт, что к 1993 г. КНР стала нетто-импортером нефти [Leung, 2010, p. 933]. В целом, 1990-е гг. в саудовско-китайских отношениях можно охарактеризовать как период начала динамичного развития сотрудничества в торгово-экономической сфере. В 1996 г. стороны учредили совместную комиссию по экономическому, торговому и техническому сотрудничеству [Пахомова, 2012, с. 202]. В 1990-х гг. состоялось 16 визитов на высоком и высшем уровнях, более того, Китай посетил Наследный принц Абдалла ибн Абдул-Азиз Аль Сауд, назвавший КНР «лучшим другом Саудовской Аравии» [Al-Tamimi, 2022, p. 139]. В 1999 г. состоялся первый визит председателя КНР Цзян Цзэминя в КСА, в ходе которого стороны подписали соглашение о стратегическом сотрудничестве в области энергетики [Foley, 2023, p. 335]. Примечательно, что незадолго до этого саудовские нефтяные компании открыли свои представительства в КНР. Речь идет о компаниях SABIC, открывшей офис в Шанхае в 1996 г., и Saudi Aramco, представительство которой было учреждено в Пекине в 1998 г. [Al-Tamimi, 2016, p. 214].

В 2004 г. Sinorep выиграла тендер на разработку газового месторождения в Саудовской Аравии, а к 2005 г. КСА стало самым крупным поставщиком нефти для нужд Китая, при этом общий торговый оборот составил 16 млрд долл. США [Валиахметова, Герман, 2018, с. 126]. В 2006 г. король Саудовской Аравии Абдалла Аль Сауд нанес визит в Пекин, при этом уместно назвать данное событие историческим из-за нескольких причин. Во-первых, король Абдалла Аль Сауд стал первым монархом КСА, посетившим с официальным визитом КНР. Во-вторых, это была первая зарубежная поездка нового короля, который на тот момент всего 5 месяцев ранее стал главой государства, и в этой связи особый интерес вызывает выбор именно Пекина, а не Вашингтона в качестве направления для первой зарубежной поездки [Al-Tamimi, 2016, p. 122–123]. Можно предположить, что данный шаг является реализацией стратегии Эр-Рияда по компенсированию зависимости от США [Ottaway, 2008, p. 89]. Другой причиной, почему король Саудовской Аравии принял решение направиться с визитом в КНР, а не США можно считать фактор ухудшения отношений между Вашингтоном и Эр-Риядом после теракта 11 сентября 2001 г. и вторжения в Ирак 2003 г. [Al-Tamimi, 2022, p. 141]. Спустя всего лишь три месяца после данного события, Председатель КНР Ху Цзиньтао посетил с ответным визитом Эр-Рияд [Al-Tamimi, 2016, p. 123]. Визит главы КНР завершился подписанием ряда соглашений в сферах энергетики, здравоохранения и безопасности, при этом Ху Цзиньтао предложил своему саудовскому

коллеге создать за счет саудовских поставок стратегический резерв нефти в Юго-Восточном Китае [Пахомова, 2012, с. 203].

В 2008 г. КСА выделило 60 млн долл. для оказания помощи в ликвидации последствий землетрясения в КНР. В частности, король Абдалла лично связался с Председателем КНР и предложил помощь КСА. Спустя всего несколько месяцев после этого, Эр-Рияд посетил Си Цзиньпин, занимавший тогда пост заместителя Председателя КНР [Al-Tamimi, 2016, р. 123]. По итогам переговоров стороны подписали коммюнике «Об укреплении китайско-саудовских отношений и усилении стратегического сотрудничества» [Валиахметова, Герман, 2018, с. 127].

В феврале 2009 г. Ху Цзиньтао вновь посетил КСА. Итогом этого визита стало подписание пяти соглашений между странами в областях энергетики, здравоохранения, транспорта и культуры. Более того, глава КНР выступил с предложением дальнейшего развития сотрудничества, отметив сохранение контактов на высшем уровне вместе с необходимостью учреждения механизма для консультаций [Al-Tamimi, 2016, р. 124].

В целом, в период 2000-х гг. динамика развития сотрудничества интенсифицировалась, о чем можно судить по большому количеству контактов на высоком и высшем уровнях. Более того, этот факт привлек внимание США, что следует из письма посла США в КСА Дж. Смита Госсекретарю Х. Клинтон от 2010 г., в котором анализировалось сотрудничество КНР и КСА [Al-Tamimi, 2016, р. 125–126]. Примечательно, что в именно в 2010 г. КНР стал крупнейшим покупателем нефти из КСА, обойдя по данному показателю США [Дейч, 2018, с. 596].

Контакты между странами в 2010-х гг. продолжили динамично развиваться, сохраняя и увеличивая темпы, достигнутые странами в торгово-экономической сфере к концу 2000-х гг. Однако это отнюдь не означало гармонию и сходство интересов абсолютно во всех сферах, в частности, позиции КНР и КСА в отношении начавшейся в 2011 г. гражданской войны в Сирии значительно отличались [Al-Tamimi, 2022, р. 141]. Пекин на международной арене поддерживал легитимное руководство президента Б. Асада, в то время как королевство выражало симпатии и поддержку оппозиционным силам. Впрочем, это не оказало влияния на углубление взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества. В 2012 г. Эр-Рияд посетил с визитом Вэнь Цзябао, премьер Госсовета КНР [Al-Tamimi, 2022, р. 141]. По итогам визита компании Sinorep и Saudi Aramco подписали соглашение на сумму 8,5 млрд долл. о совместном строительстве нефтеперерабатывающего завода в г. Янбу на территории КСА, иными словами, это первый в истории пример таких крупных инвестиций из КНР в нефтепромышленную сферу КСА [Al-Tamimi, 2016, р. 124].

ИНИЦИАТИВА «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА КОНТАКТЫ ПЕКИНА С ЭР-РИЯДОМ

Саудовско-китайские отношения получили новый импульс для развития в 2013 г., когда Председатель КНР Си Цзиньпин анонсировал «Один пояс, один путь» (ОПОП). Как известно, в рамках китайской инициативы предлагается строительство ряда инфраструктурных и логистических проектов, окончательная цель которых – создать/модернизировать логистические цепочки и связать друг с другом Европу, Африку и Азию. Учитывая данную задачу, Ближний Восток играет связующую роль в реализации ОПОП. В этих условиях, а также учитывая особую роль КСА как не только крупного поставщика нефти для нужд КНР, но и важного государства в регионе с политической, экономической и культурной точки зрения, отношения с Эр-Риядом приобретают особую важность.

Доказательством данного утверждения можно считать тот факт, что спустя три года после объявления ОПОП, в 2016 г. Си Цзиньпин посетил с визитом КСА, в результате чего страны объявили об установлении «всеобъемлющего стратегического сотрудничества» [Chaziza, 2020, p. 132]. Отметим, что эта характеристика является высшим уровнем сотрудничества ближневосточных стран с КНР. Пекин дает такую оценку двусторонним отношениям только в том случае, если ближневосточное государство отвечает четырём показателям: 1) Экономический потенциал рассматриваемой страны; 2) Региональное влияние данного государства; 3) Политическая стабильность в данной стране; 4) Экономическая независимость [Sun, 2022, p. 299–300]. КСА отвечает всем показателям, что означает, что сотрудничество с Эр-Риядом играет особую роль в ближневосточной политике Пекина. Более того, профессор Института международных исследований Фуданьского университета Сунь Дэган заявляет о системе шкалы приоритетов КНР на Ближнем Востоке, в которой страны выделены в четыре разные группы: 1) Опорные страны – ближневосточные страны являющиеся, по мнению Пекина, региональными державами; 2) Узловые страны – страны региона, развитие отношений с которыми важно для обеспечения кооперации КНР с другими великими державами; 3) Ключевые страны – ближневосточные государства, обладающие развитой экономикой, влиянием на соседние страны и потенциалом дальнейшего развития; 4) Оплоты – страны с малым количеством населения либо слабой экономикой, но отличающиеся дружественным отношением к КНР. КСА, с точки зрения Пекина, является опорной страной [Sun, 2022, p. 299–300].

Как видится, другим важным событием в саудовско-китайских отношениях можно считать объявление Эр-Риядом в 2016 г. программы реформ «Видение 2030», цель которой – модернизировать экономику КСА путем её диверсификации и снижения зависимости от экспорта нефти. Для достижения поставленной задачи Эр-Рияд нуждается в доступе к высоким технологиям, который им предоставляет КНР. Наследный принц М. Бин Салман заявлял, что ОПОП является одним из столпов для реализации реформ «Видение 2030» [Савичева и др., 2022, с. 190–192]. Стороны также договорились учредить совместный комитет на высоком уровне для сопряжения саудовской программы реформ с китайской инициативой [Al-Tamimi, 2022, p. 144]. В 2017 г. король Салман с официальным визитом посетил КНР, в ходе которого стороны согласились об увязке программы «Видение 2030» и ОПОП, а также подписали порядка 20 соглашений на общую сумму более 60 млрд долл. [Bin Huwaidin, 2022, p. 88].

Реализация ОПОП привела к расширению деятельности в КСА китайских компаний. Так, например, China Railway Construction Company построила высокоскоростную железнодорожную ветку Мекка–Медина. Пекин и Эр-Рияд также интенсифицировали сотрудничество в области высоких технологий, разработки искусственного интеллекта (ИИ), ядерной энергетики и космических исследований. КСА активно сотрудничает с Huawei и Alibaba Cloud в сфере использования ИИ для развития умных городов. Упоминания также заслуживает использование Эр-Риядом китайской спутниковой навигационной системы BeiDou [Al-Tamimi, 2022, p. 144–145]. Что касается ИИ, то, согласно сообщениям СМИ, с 2025 г. Saudi Aramco стала пользоваться китайской DeepSeek, для управления цифровым дата-центром компании в г. Даммам. [Saudi, 2025]. Особого внимания при этом заслуживает деятельность Huawei, которая является одним из основных поставщиков технологической инфраструктуры для нужд Saudi Telecom Company. Более того, Huawei получила контракт на предоставление 5G технологий и технологий умных городов в 17 городах КСА [Mogielnicki, 2022, p. 283–284]. Интерес к Huawei настолько высок, что в 2021 г. она анонсировала открытие своего крупнейшего магазина за пределами КНР,

который был открыт в феврале 2022 г., в Эр-Рияде, и строительство центра Huawei Cloud Region на территории КСА [Foley, 2023, p. 336–337; Sarkar, 2022].

Важное место в саудовско-китайских отношениях продолжает занимать вопрос энергетического сотрудничества. КСА до сих пор является одним из крупнейших поставщиков нефти для нужд китайской экономики, разделяя при этом лидирующее место с Россией [Fulton, 2020(2), p. 517]. В то же время, партнерство в данной сфере отнюдь не ограничивается поставками нефти в КНР. Так, в 2016 г. упомянутый выше нефтеперерабатывающий завод Saudi Aramco и Sinorec в г. Янбу был введен в строй [Al-Tamimi, 2022, p. 144]. Примечательно, что Си Цзиньпин назвал его новым центром индустриализации КСА и региональным пунктом прибытия для «Шёлкового пути», отмечая тем самым интеграцию завода в планы ОПОП. Сотрудничество в области атомной энергетики также вызывает интерес у двух стран. В 2017 г. власти королевства подписали два меморандума о взаимопонимании с China Nuclear Engineering Corp. и China National Nuclear Corp. (CNNC) [Liao, 2023, p. 30–31]. Отметим, что CNNC участвует в тендере на строительство АЭС на территории КСА [China, 2022]. Впрочем, до сих пор власти королевства не приняли решение относительно тендера.

Интенсификация контактов между КНР и КСА после начала реализации ОПОП привела к росту торгово-экономического сотрудничества. Рассмотрим это на примере товарооборота с 2008 по 2023 гг. Так, например, в 2008 г., за пять лет до объявления ОПОП, товарооборот составлял 64,9 млрд долл. В 2013 г. данный показатель вырос до 82,5 млрд долл., в то время как в 2018 г. он снизился до 59,4 млрд долл. [Fulton, 2020(2), p. 375]. Согласно статистическим данным Министерства экономики и планирования Саудовской Аравии, в 2024 г. товарооборот составил приблизительно 99,7 млрд долл. [Al-Mizan, 2025]. Более того, КНР стала главным торговым партнёром КСА [Мелкумян, 2024, с. 67].

Параллельно с товарооборотом выросли прямые иностранные инвестиции (ПИИ). Так, в 2023 г. приток ПИИ составил 479 млн долл., а отток ПИИ был равен 257 млн долл. [Al-Mizan, 2025]. Впрочем, наибольший интерес вызывает тот факт, что не только КНР и китайские компании инвестируют в экономику королевства. КСА и саудовский бизнес также демонстрируют интерес к инвестициям в китайскую экономику. В 2023 г. Saudi Aramco стала одним из крупнейших инвесторов в китайскую экономику. В частности, в её владении находится нефтеперерабатывающий завод в Шаньдуне. Она является совладельцем с Sinorec схожего предприятия в провинции Фуцзянь, а также сотрудничает с китайской стороной в вопросе строительства нефтеперерабатывающего завода в г. Тяньцзинь [Мелкумян, 2024, с. 67]. При этом инвестиции саудовской компании не ограничиваются исключительно энергетической или нефтяной сферами. [Weijia, 2024]. Впрочем, это не единственная компания из КСА, выражающая интерес к Китаю, поскольку ряд других крупных компаний, таких как SABIC и Saudi Public Investment Fund, осуществляют инвестиции в КНР. Что касается китайских инвестиций, то самым ярким примером является упомянутый выше завод в г. Янбу, однако он не единственный, поскольку по состоянию на 2024 г. на территории королевства работали 750 различных китайских компаний [Weijia, 2024]. Более того, министр индустрии и минеральных ресурсов Саудовской Аравии Б. Аль Хураеф в 2025 г. на Всемирном экономическом форуме в г. Давос обратился к КНР и китайским инвесторам, призвав их не упустить возможности получить доступ к крупнейшему рынку Ближнего Востока. По заявлению саудовского министра, КСА потенциально может стать хабом для китайской продукции, тем самым облегчить китайским компаниям доступ на региональные и другие глобальные рынки [Tang, 2025].

Эр-Рияд и Пекин сотрудничают в военно-технической сфере (ВТС). В 2014 г. Саудовская Аравия купила партию ударных беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) CH-4 и Wing

Loong китайского производства. При этом спустя несколько лет в 2017 г. Эр-Рияд подписал соглашение о производстве китайских ударных БПЛА на своей территории. В этой связи уместно упомянуть, что в 2021 г., по сообщениям американских разведывательных служб, КСА при помощи китайских специалистов занималось производством БРСД. Это указывает на желание и готовность КНР делиться с КСА военными технологиями [Dotgaј, 2023, p. 73]. В то же время по объему ВТС с Саудовской Аравией КНР уступает США и европейским странам, которые поставляют королевству значительно более широкий спектр вооружения [Arms, 2025].

Страны обращают внимание и на сотрудничество в гуманитарной и образовательной сферах. В частности, с 2024 г. в КСА китайский язык вошел в образовательную программу начальной и средней школы, при этом министерство образования королевства отдельно подчеркивало, что изучение языка позволит молодым саудитам получить образование в престижных вузах Китая [Alshammari, 2024].

Политическая плоскость сотрудничества двух стран не остаётся без внимания. Внимания заслуживают дипломатические усилия Пекина, приведшие к нормализации ирано-саудовских отношений в 2023 г. [China-brokered, 2023]. Уместно отметить, что КСА, как и другие страны региона, позитивным образом оценило позицию КНР по эскалации палестино-израильского конфликта после нападения ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г., а также посреднические усилия Пекина по объединению палестинских фракций, приведшие к подписанию «Пекинской декларации» летом 2024 г. [Al-Fasail, 2024]. Более того, важную роль играет тот факт, что КНР выстраивает свою внешнюю политику на основе пяти принципов сосуществования, в особенности на принципе невмешательства во внутренние дела, что отличается от подходов стран западного мира, выступающих за либеральный международный порядок, известный также как «мир, основанный на правилах» [Murphy, 2022, p. 59–60]. В этой связи можно предположить, что КСА в позитивном ключе рассматривает глобальные инициативы КНР и призывы Пекина отказаться от менталитета Холодной войны, угрожающего общей безопасности стран мира и противостоять «внешнему влиянию». [Ziwen, 2024].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Китайско-саудовские отношения являются примером того, как всего за 35 лет двусторонние отношения смогли выйти на уровень стратегического сотрудничества. Автор полагает, что такая характеристика двух стран обоюдосторонняя. Для КНР и китайских компаний Саудовская Аравия является важным рынком сбыта, крупной региональной и нефтяной державой, чьё геостратегическое положение играет важную роль в имплементации инициативы ОПОП. С другой стороны, Саудовская Аравия получает доступ к высоким технологиям из Китая, что играет ключевую роль в реализации программы реформ «Видение 2030», а также становится большим получателем инвестиций из КНР, которые помогают осуществить ряд крупных технологических и инфраструктурных проектов на территории королевства. Иными словами, это яркий пример взаимовыгодного сотрудничества.

Однако двустороннее сотрудничество может столкнуться с проблемой в лице США, которые на фоне интенсификации конкуренции великих держав всё более болезненно реагируют на всё большее присутствие КНР на Ближнем Востоке. Американская сторона уже принимает усилия для ограничения китайско-саудовских отношений [Mozur, Sager, 2024]. Тем не менее автор полагает, что, несмотря на усложняющуюся глобальную обстановку, КСА продолжит балансировать между великими державами (США, КНР и РФ), при этом началом этой политики можно считать сближение с КНР в 1980-х гг., целью которого было снижение зависимости КСА от США [Ottaway, 2008, p. 89]. В данном вопросе ав-

тор полностью согласен с Е.С. Мелкумян, отметившей успех политики балансирования Эр-Рияда между США и КНР [Мелкумян, 2024]. Более того, в контексте потенциального влияния интенсификации американо-китайского противостояния на саудовско-китайские отношений уместно вспомнить тот факт, что российско-саудовские отношения сохранили прежний уровень сотрудничества даже после начала СВО, несмотря на попытки США и других стран оказать давление на Эр-Рияд. В этой связи автор предполагает, что Саудовская Аравия, руководствуясь своими интересами, продолжит взаимовыгодное сотрудничество с КНР, равно как и с другими великими державами, оставляя себе тем самым пространство для маневрирования и балансирования во внешнеполитических и экономических вопросах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Валиахметова Г.Н., Герман М.А. Сотрудничество Китая и Саудовской Аравии в рамках проекта «Один пояс, один путь»: достижения и вызовы. *Уральское востоковедение*. 2018. Вып. 8. С. 124–134 [Valiakhmetova G.N., German M.A. China-Saudi Arabia Cooperation within the Framework of Belt and Road Initiative: Progress and Challenges. *Ural Survey of Oriental Studies*. 2018. Issue 8. Pp. 124–134 (in Russian)].

Дейч Т.Л. Китай в борьбе за ресурсы в Африке и арабском мире. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2018. Т. 18. № 3. С. 595–611 [Deych T.L. China in the Struggle for Resources in Africa and Arab World. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2018. Vol. 18. No. 3. Pp. 595–611 (in Russian)].

Мелкумян Е.С. Саудовская Аравия между США и Китаем в XXI веке: успешное балансирование. *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68. № 5. С. 61–71 [Melkumyan E.S. Saudi Arabia between the USA and China in the First Decades of the XXI Century: Successful Balancing. *World Economy and International Relations*. 2024. Vol. 68. No. 5. Pp. 61–71 (in Russian)].

Пахомова М.А. Китай и Саудовская Аравия: история взаимодействия и перспективы сотрудничества (1980–2010). *Общество и государство в Кувейте*. 2012. № 2. С. 201–208 [Pakhomova M.A. China and Saudi Arabia: history of interaction and prospects of cooperation (1980–2010). *Society and State in China*. 2012. No. 2. Pp. 201–208 (in Russian)].

Савичева Е.М., Бредбани А.М., Рыжов И.В. Китай и страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: от экономических сделок к стратегическому партнерству. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2022. № 22. С. 180–196 [Savicheva E.M., Bredbane A.M., Ryzhov I.V. China and Gulf Cooperation Council Countries: From Economic Deals to Strategic Partnerships. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2022. Vol. 22. No. 1. Pp. 180–196 (in Russian)].

Arms transfers database. *SIPRI*. 2025. <https://armstransfers.sipri.org/ArmsTransfer/CSVResult> (accessed: 14.03.2025).

Behbehani H. *China's Foreign Policy in the Arab World, 1955–1975: Three Case Studies*. London: KPI, 1981.

Bin Huwaidin M. China and the Gulf region. *Routledge handbook on China-Middle East relations*. J. Fulton (ed.) London: Routledge, 2022. Pp. 81–92.

Chaziza M. *China's Middle East Diplomacy. The Belt and Road Strategic Partnership*. East Sussex: Sussex Academic Press. 2020.

Cheung H. Taiwan in Time: The last great friend. *Taipei Times*. 04.07.2021. <https://www.taipeitimes.com/News/feat/archives/2021/07/04/2003760252> (accessed: 28.01.2025).

China to Cooperate With Gulf Nations on Nuclear Energy and Space, Xi Says. *The New York Times*. 09.12.2022. <https://www.nytimes.com/2022/12/09/world/middleeast/china-saudi-arabia-gulf-summit.html> (accessed: 14.03.2025).

China-brokered Saudi-Iran deal driving 'wave of reconciliation', says Wang. *Al-Jazeera*. 21.08.2023. <https://aje.io/tl3pr9> (accessed: 14.03.2025).

Dorraj M. The BRI and China's Expanding Ties. *Routledge Companion to China and the Middle East and North Africa*. Ed. by Y.H. Zoubir. London: Routledge, 2023. Pp. 64–79.

Foley S. Saudi Arabia's Relations with China. *Routledge Companion to China and the Middle East and North Africa*. Y.H. Zoubir (ed.) London: Routledge, 2023. Pp. 333–359.

Fulton J. China-Saudi Arabia Relations Through the '1+2+3' Cooperation Pattern. *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*. 2020(1). Vol. 14 (4). Pp. 516–527.

Fulton J. Situating Saudi Arabia in China's Belt and Road Initiative. *Asian Politics & Policy*. 2020(2). No. 12. Pp. 362–383.

Leung G.C.K. China's oil use, 1990–2008. *Energy Policy*. 2010. Vol. 38. Issue 2. Pp. 932–944.

Liao J.X. China's Energy Diplomacy in the BRI Era. *Routledge Companion to China and the Middle East and North Africa*. Y.H. Zoubir (ed.) London: Routledge, 2023. Pp. 25–39.

Mogielnicki R. Technological Dimensions of China-MENA Economic relations. *Routledge handbook on China-Middle East relations*. J. Fulton (ed.) London: Routledge, 2022. Pp. 281–296.

Mozur P., Sager D.E. Microsoft Makes High-Stakes Play in Tech Cold War With Emirati A.I. Deal. *The New York Times*. 16.04.2024. <https://www.nytimes.com/2024/04/16/technology/microsoft-g42-uae-ai.html> (accessed: 14.03.2025).

Murphy D.C. *China's Rise in the Global South. The Middle East, Africa and Beijing's alternative world order*. Stanford: Stanford University Press, 2022.

Niu S. China's Hajj Affairs under the Perspective of National Security. *Istanbul Gelisim University Journal of Social Sciences*. 2018. No. 5(1). Pp. 101–113.

Ottaway D.B. *The King's Messenger: Prince Bandar bin Sultan and America's Tangled Relationship with Saudi Arabia*. New York: Walker and Company, 2008.

Sarkar A. Huawei opens its largest overseas flagship store in Riyadh. *Huawei Central*. 03.02.2022. <https://www.huaweicentral.com/huawei-opens-its-largest-overseas-flagship-store-in-riyadh/> (accessed: 14.03.2025).

Saudi Aramco chief says DeepSeek AI makes 'big difference' to operations. *Financial Times*. 04.03.2025. <https://www.ft.com/content/0d24dcf4-b53b-48e5-b49c-99606958a96d> (accessed: 14.03.2025).

Alshammari H. Saudi Arabia begins Chinese-language classes at schools. *Arab News*. 10.09.2024. <https://arab.news/9kr7r> (accessed: 14.03.2025).

Shichor Y. China's Upsurge: Implications for the Middle East. *Israel Affairs*. 2006. Vol. 12. No. 4. Pp. 665–683.

Sun D. China's partnership diplomacy in the Middle East. *Routledge handbook on China-Middle East relations*. J. Fulton (ed.) London: Routledge, 2022. Pp. 299–311.

Al-Tamimi N. *China-Saudi Arabia Relations, 1990–2012: Marriage of Convenience or Strategic Alliance?* London: Routledge, 2016.

Al-Tamimi N. China and Saudi Arabia: From enmity to strategic hedging. *Routledge handbook on China-Middle East relations*. J. Fulton (ed.) London: Routledge, 2022. Pp. 137–154.

Tang F. At Davos, Saudi Arabia pitches itself as a new hub for Chinese investments. *South China Morning Post*. 23.01.2025. https://sc.mp/hmoae?utm_source=copy-link&utm_campaign=3295976&utm_medium=share_widget (accessed: 14.03.2025).

Wang T.Y. Competing for friendship: The two Chinas and Saudi Arabia. *Arab Studies Quarterly*. 1993. Vol. 15. No. 3. Pp. 63–82.

Weijia H. China-Saudi Arabia investment cooperation strengthening amid global uncertainties. *Global Times*. 26.11.2024. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202411/1323824.shtml> (accessed 14.03.2025).

Ziwen Z. Xi Jinping warns SCO to 'resist external interference' in latest veiled swipe at US. *South China Morning Post*. 04.07.2024. https://sc.mp/wf57z?utm_source=copy-link&utm_campaign=3269211&utm_medium=share_widget (accessed: 14.03.2025).

Al-Fasail al-Filystiniya tauaqau al-ialyan li-inha al-inqasam aqba muhadasat fi Sin [الفصائل الفلسطينية توقع على إعلان لإنهاء الانقسام عقب محادثات في الصين]. [Палестинские фракции подписали декларацию о прекращении разногласий после переговоров в КНР. Palestinian factions sign declaration to end division after negotiations in China. *Al Jazeera*. 23.07.2024. URL: <https://aja.ws/o57s43> (accessed 14.03.2025) (in Arabic)].

Al-Mizan at-Tijari. Al-Tijara al-harijiya. *Sin. Al-bayanat as-saudiya. Yizarat al-iqtisad yal-tahsit*. [الميزان التجاري. التجارة الخارجية. الصين. بيانات السعودية. وزارة الاقتصاد. يزارات الاقتصاد يال-تاهسيت]. *Data Saudi*. Министерство экономики и планирования Саудовской Аравии. Trade balance. Foreign trade. China. *Data Saudi*. Ministry of Economy & Planning of Saudi Arabia. <https://datasaudi.sa/ar/bilateral/china> (accessed: 14.03.2025) (in Arabic)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МИКАЕЛЯН Арман Артакович – к.и.н.,
старший преподаватель Кафедры языков стран
Ближнего и Среднего Востока МГИМО (У)
МИД России, Москва, Россия.

Arman A. MIKAELIAN, PhD (History), senior
lecturer, Department of Middle East Languages,
MGIMO University, Moscow, Russia.